

Труд. — 1991. — 5 сент. — С. 5.
Из жизни звезд

ДЕЗЕРТИРСТВО АГЕНТА 007

ЧЕГО УЖ никак не ожидал — увидеть **Шона Коннери** в мундире советского морского офицера. Впрочем, и в мундире американского полковника, которого он играет в одном из недавних фильмов «Президио» — это название военной базы в Сан-Франциско, — тоже невозможно было его представить, когда я впервые с ним встретился на лондонской киностудии «Пайнвуд». Там заканчивались съемки четвертого боевика по серии книг Иена Флеминга об английском супершпионе Джеймсе Бонде с личным номером 007. Два ноля означали, что он наделен правом по своему усмотрению убивать «врагов короны».

Финальная часть картины развивалась в океанских глубинах, а съемки происходили в специально построенном гигантском аквариуме. Прислоненный к стене одного из павильонов, стоял специально сконструированный аппарат для подводного боя — две спаренные желтые гигантские сигары с винтами. Меня все это, естественно, интересовало, хотя я тогда приехал по совсем другому поводу: отношение к бондовским фильмам у нас было такое, что об интервью с Коннери не могло быть и речи. Поэтому я и не стремился с ним познакомиться.

Знакомство состоялось само собой — в студийном кафе-терии. Американский кинобизнесмен, с которым я там был, вдруг остановился у одного из столиков и поздоровался с человеком, в котором я сразу узнал знаменитого Шона Коннери. Вблизи он был, пожалуй, еще обаятельнее, чем на экране, очень хорошая, какая-то детская улыбка и добрые коричневые глаза. Как воспитанный человек, американец представил и меня, и глаза Коннери блеснули юмором.

— Вы, конечно, из КГБ?
— Безусловно, — подтвердил я, и все дружно рассмеялись.

После этого я решил тоже задать ему вопрос:

— Это правда, что вы снимаетесь в еще одной бондовской ленте и на этом конец?

Присутствующие опять расхохотались, а Коннери лишь развел руками. На чем наше общение и закончилось. Но я попал тогда в самую точку, слухи насчет предстоящего дезертирства агента 007 оказались верны. Следующий фильм о его похождениях «Бы живете только

дважды» действительно оказался последним для данного исполнителя роли Бонда — во всяком случае на ближайшее десятилетие.

Забегая вперед, скажу, что потом он все-таки еще раз согласился, и Бонд, прежде столь элегантный и стройный, предстал перед публикой грузноватым и широколицым. Гонорар за этот шестой фильм, не без иронии названный «Никогда не говори «никогда», Шон отдал в фонд поощрения талантливых молодых шотландцев, который он основал в Эдинбурге — родном для него городе.

Бросая шпионское ампула, он надеялся, что сможет получить серьезные роли. Флеминг говорил, что стремился в своих книгах создать образ шпиона, который является «слепым орудием в руках соответствующего правительственного департамента — сильным, жестоким, склонным к фатализму». А Коннери мечтал о шекспировских образах, может быть, и о чеховских. Так с долей насмешки писали английские кинокритики, не забывая присовокупить, что «неблагодарный» шотландский актер, прежде никому не известный даже у себя на родине, теперь благодаря агенту 007 пользуется популярностью «во всем свободном мире» и стал миллионером.

Не знаю, хотел ли Коннери воплотить на экране и на сцене короля Лира или дядю Ваню, но если так, то ничего из этого не вышло. Образно говоря, он сам стал жертвой кровавого агента 007: его упорно приглашали только на аналогичные роли, связанные с перестрелками, хитроумными интригами и, само собой, красивыми женщинами, чаще всего «роковыми». Правда, было два исключения, увя, не принесших ему новой, иной известности. Мало кто знает, что в период «холодной войны» он приезжал к нам, чтобы сняться в «Красной палатке».

И ВТОРОЕ отступление от правила — картина «Метеор», снятая режиссером Рональдом Пимом на голливудской студии «Метро-Голдвин-Майер». Там в павильоне номер 30 я опять увиделся с Шоном, которого трудно было узнать. Немолодой, лысоватый, усталый человек, в сдвинутых на кончик носа очках для чтения и френче из шотландского твида, которые носят только какие-нибудь

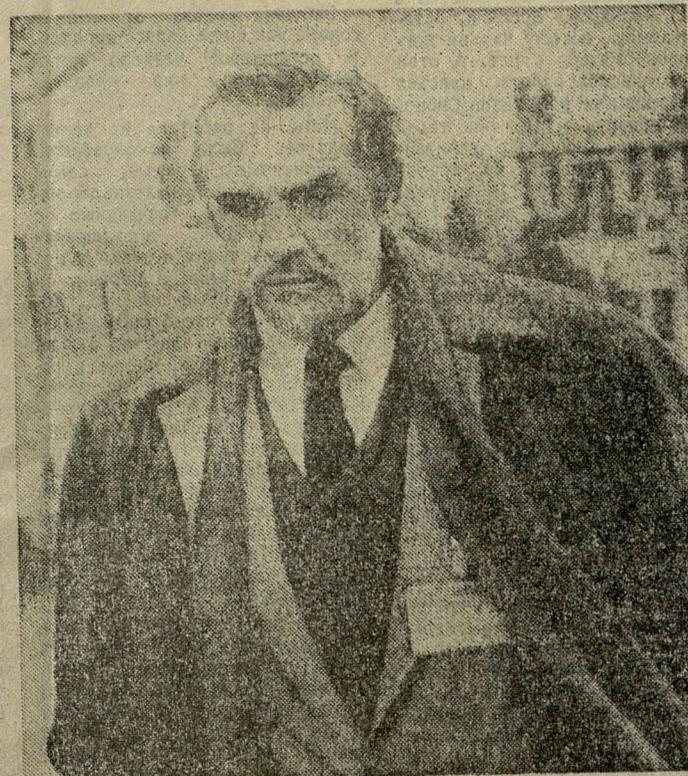
профессора — традиционалисты. Он и был — доктор Брэдли, ученый, который ушел из НАСА — ведомства, занимающегося в США космическими исследованиями, так как его изобретения использовались в военных целях, а это противоречило его принципам.

Я напомнил ему о нашем кратком диалоге в «Пайнвуде» и спросил, чувствует ли он облегчение, освободившись от необходимости без конца стрелять и покорять подряд всех красоток. Коннери улыбнулся и ответил, что, между прочим, это не такая уж тяжелая обязанность, а кроме всего прочего, агент 007 сделал бедного шотландского актера независимым человеком, да к тому же обожаящим такую аристократическую игру, как гольф. Я знал об этом его страстном увлечении и спросил, удается ли ему играть здесь, в Америке. Он сказал, что, к сожалению, редко, зато «заразился теннисом, здесь все в него играют».

У меня была возможность расспросить и снимавшихся вместе с ним коллег, и членов съемочной группы, и людей, обеспечивавших рекламу будущему фильму. Единодушное мнение: с Шоном работать легко, как мало с кем из «звезд» такого калибра, — со всеми держится просто и дружелюбно, пунктуален и не вступает в ненужные пререкания с режиссером. Одним словом, не просто «звезда», а — настоящий профессионал. От себя могу добавить, что мало кто обладает такой способностью сразу внушать к себе симпатию.

Ирония судьбы: став всемирно известной величиной в кино, когда ему было чуть за 30, сыграл множество главных ролей. Коннери ни за одну из них не удостоился «Оскара» — высшей голливудской награды. Получил он ее неожиданно для себя, да и для всех непосвященных, за роль второго плана в гангстерской ленте «Неприкасаемые» — о Чикаго времен «сухого закона», когда Аль-Капоне и его мафия на подпольных заводах изготавливали виски-самогонку, а настоящие напитки контрабандой везли из Канады. Шон и в самом деле великолепно вылепил роль служка-полицейского, не пожалевшего жизни ради уничтожения гангстерского всевластия.

Потом он появился на экране в качестве командира советской подводной лодки «Крас-

ный Октябрь», которая могла передвигаться в пучинах океана совершенно беззвучно и потому представляла, с точки зрения Пентагона, огромную опасность. И капитан с литовской фамилией решил, что нужно идти вместе с лодкой к американцам, что ему в конце концов и удастся. Можно говорить о сомнительности такой сюжетной линии, но смотрится это, как и все, где участвует Коннери, что называется, на одном дыхании.

В НАШЕЙ стране он снимался в фильме по роману Джона Ле Карре «Русский дом». Шон снова попал в хорошо знакомую ему атмосферу международной интриги, в которой действуют английские и американские разведчики, а сам он, лондонский издатель Блейер, оказывается пешкой в их игре. Четыре недели съемок в Москве, одна — в Ленинграде, и издатель Барли Блейер, не в пример предыдущей картине Шона, приходит к решению остаться в России с полюбившей его переводчицей Катей. А между делом Коннери успел обновить единственную пока у нас площадку для гольфа.

Рассказывают, что москвичи,

наблюдавшие за съемками этого эпизода у гостиницы «Украина», понятия не имели о партнерах Коннери, хотя среди них были такие кинознаменитости, как Мишель Пфайфер и Клаус Мария Брандауэр. Его же узнал какой-то мальчишка: «Это 007! Шпион!» Видно, рассмотрелся контрабандных кассет в видеосалонах. Интересно, доволен ли был этим сам Коннери?

В утешение ему замечу вот что. Как-то недавно случайно увидел на телеэкране одну из первых бондовских лент и, к собственному удивлению, досмотрел ее до конца. Сейчас, отстранившись от предрассудков «холодной войны», видишь совсем иначе: забавные и в общем довольно наивные приключения с очень условными злодеями, сделано все как-то не на полном серьезе, с большой долей самоиронии, чему способствуют афористичные шутки самого Джеймса Бонда. А что вокруг него всегда много чрезвычайно красивых и молодых женщин, так, может, это не так уж и плохо?

В. СИСНЁВ,
соб. корр. «Труда».
ВАШИНГТОН.
Фото А. БАБУШКИНА.